

А.А. ПЕЛИПЕНКО

Методология анализа и проблемы российской государственности

В гуманитарных науках есть области, проникновение в которые требует не только интеллекта, но и мужества. Здесь объективность - первое правило всякого честного исследователя - становится невыносимо тяжким бременем. Не выдерживая этого бремени, многие казались бы сильными умом и духом, сворачивают с тропы объективной науки, укрываясь в спасительных кущах комфортных мифов. Спор о судьбах и перспективах нашего многострадального отечества - это та область, где объективность способны сохранить лишь единицы. Лишь те, чей дух в силу тех или иных обстоятельств оказывается в счастливой (?) точке равновесия самоотождествления и отстранения, притяжения и отталкивания, любви и неприятия по отношению к российской культуре как объекту исследования. Самоотождествление (природнение) вырастает из глубокого и безотчетного вживания в родную культуру и рождает ее видение и понимание исключительно изнутри. Отстранение же, напротив, реализует внешнюю точку зрения. Чуть больше природнения - и аналитические идеи оказываются в плену духовной зависимости. И тогда в ткань исследовательского дискурса невольно вплетаются мифологические конструкции и ритуальные тезисы вроде "возрождения России" (какой?), хотя в реальной, а не мифологической истории *никогда и ничего не возрождалось*. Чуть больше отстранения - и исследовательская мысль упускает что-то главное, корневое, трудно объяснимое, но пронизывающее собой все. Так пишут о России иностранные авторы или те, кто прожил долгие годы в эмиграции. За множеством верных и глубоко интерпретируемых деталей у них, как правило, мерцает какое-то органическое непонимание самого главного. Обычно это проявляется в тех выводах, которые они делают из материала своих исследований.

Пример подобного равновесия - недавно появившаяся книга И. Яковенко [1], в которой глубинное понимание сути развития российской государственности сочетается с жесткостью и беспристрастностью объективного анализа. Последнее особенно важно, ведь чтобы адекватно воздействовать на реальность, сначала необходимо научиться смотреть на нее открытыми глазами. От неумения и нежелания считаться с фактами в истории уже погибло не одно государство и не один народ сошел с исторической сцены, анестезируя смертельную боль и обиду наркотиком утешительных мифов. Поистине надо любить предмет своего исследования, чтобы набраться мужества писать о нем с беспощадной беспристрастностью. Это — ответ всем "патриотически" настроенным критикам книги, коих наберется немало.

Выход из набившего оскомину спора славянофилов и западников (с приставным стулом для евразийцев) автор находит на путях широко понимаемых цивилиза-

П е л и п е н к о Андрей Анатольевич - доктор философских наук, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания.

ционных исследований. Пространство взаимодействия цивилизаций - это та область, где масштаб философского видения обязан сочетаться с конкретностью знания историка, где одна пропущенная ступень анализа уводит интуицию исследователя в сторону от истины. Сколько грандиозных объяснительных систем рухнули из-за этого прямого "напяливания" сверхобщих философских тезисов на живой и дискретный материал истории. Яковенко не философ и не историк в узком смысле. Он культуролог в самом глубоком и серьезном понимании этого слова, яркий представитель той культурологии, которая не просто связывает, но и синтезирует полюса абстрактного и конкретного гуманитарных дискурсов. Здесь философия из самодовлеющей интеллектуальной игры вновь становится инструментарием объяснения мира в целом и методологическим каркасом предметных наук, а сам материал этих наук делается как бы прозрачным и обнаруживает за конгломератом единичных дискретных явлений и фактов глубинные течения общих закономерностей и тенденций.

Локальный срез цивилизационных процессов, рассматриваемых в книге, интерпретируется с позиций определенной теоретической модели. Ключевыми понятиями в этой модели выступают понятия *лимитрофа*, *мембраны* и *колебательного контура*. Хотя понятие "лимитрофа" использовалось и ранее, но столь содержательное его применение встречается впервые. А главное, здесь обнаружена одна из чрезвычайно важных промежуточных ступеней, ведущих от абстрактных диалектических оппозиций к миру единичных фактов и явлений. И на этой ступени кипит своя самостоятельная жизнь. Формируются детерминирующие факторы жизни цивилизаций. «Лимитроф можно рассматривать как специфическую сухопутную мембрану, разделяющую Европу и Азию... Он также выполняет функции разделяющего и связывающего начал. Со временем на лимитрофе формируется особое мировосприятие, а вслед за ним и государственное образование, которое дистанцирует его жителей от соседних ядер. Самосознание лимитрофа - самосознание нетождественности, "другого", не равного ни Западу, ни Востоку. Осознавая себя, лимитроф формирует качество бытия, противопоставленное ядрам. Здесь происходит самовыделение лимитрофного космоса как "иного", отличного от ядер, дросселирование (управление движением. - *А.П.*) разнообразных потоков, пространственное ограждение, ограничение ядер локальных цивилизаций. В то же время лимитроф исполнен напряженного стремления получать значимые инновации, вожаделенные товары, идеи и т.д.» [1, с. 24].

Понятие мембраны автор раскрывает следующим образом: "Мы имеем в виду протянувшуюся от Гибралтара до Трапезунда систему образующих единое целое морей, а также тяготеющие к Средиземноморью территории. Характер и исторические судьбы этих земель специфичны. Причем специфика региона задана морем. Средиземноморская система являет собой морскую границу Европы, ограждая ее от африканского и азиатского континентов. Она обеспечивает дистанцированность Европы от остального мира, но в то же время и связь с этим миром. Момент разграничения - большая вода - дросселирует потоки, обозначает естественную границу, оказывается границей расселения. Момент связывающий - морем идут люди, товары, технологии, представления и т.д. Иными словами, с одной стороны, море являет собой барьер, с другой - достаточно проницаемую структуру. В цитологии сходный класс систем называют мембранами. Разумеется, речь не идет о простом переносе понятия, имеющего отношение к биологии и физической химии, в сферу общественных наук. Речь идет о структурно-функциональном подобии, о системной аналогии, просматривающейся в этих столь различающихся срезах бытия" [1, с. 9].

Что же касается колебательного контура, то здесь автор также отталкивается от аналогий в мире естественных наук. "В рамках элементарного курса физики или радиоэлектроники описываются особого рода объекты, которые называются колебательным контуром. Они представляют собой структуру, включающую два элемента, скомбинированные таким образом, что возбуждение (придание энергии) одного из них запускает в системе колебательный процесс. Система Европа-Азия,

рассматриваемая в большом временном масштабе, обнаруживает характеристики колебательного контура" [1, с. 301.

Автор не касается специально вопросов методологии цивилизационных исследований. Она вырастает из материала книги и столь же оригинальна, сколь и сам ракурс исследования. Но некоторые выводы методологического характера напрашиваются сами собой. В противоположность модному сегодня постмодернистскому индетерминизму Яковенко придерживается, нигде, впрочем, об этом не заявляя, выраженного детерминистского подхода. Но это совершенно не тот детерминизм, который хорошо известен нам по многочисленным "классическим" концепциям истории. В рамках монотеистической парадигмальной матрицы и обыденное, и научное сознание оперирует неким образом отстраненного от мира абсолюта, природа которого в конечном счете иррациональна. Этот абсолют - божественный метасубъект - организует и контролирует исторический процесс, либо проявляясь через него, либо отстраненно наблюдая за ним. Воля этого метасубъекта, даже если он принимает вид безличного социального закона, непосредственно воздействует на рядовых участников исторического процесса. Иначе говоря, между творцом истории и ее исполнителями существует прямая и непосредственно постигаемая связь.

При чтении книги Яковенко возникают иные ассоциации, вспоминается совершенно не монотеистическое наставление адептов Вуду неопитам, которое сводится к следующим постулатам. Верховный бог есть. Может быть. Но к вам это не имеет никакого отношения. Ему в любом случае не до вас. У него есть дела поважнее, которые вы просто не в состоянии постичь. Но вот тут поблизости есть всякие демоны помельче и если с ними правильно поговорить, то они, может быть, займутся вашими проблемами. Каждая из локальных подсистем культуры - это своего рода демон, живущий своей собственной жизнью и преследующий свои собственные цели. А исполнителями выступают те самые исторические субъекты, которые, упираясь взором в границы владений демона, то бишь локальной подсистемы культуры, мнят, будто видят горизонт вселенной и выполняют императив того самого единственного и абсолютного.

Так субъект имперского сознания полагает, что трудится над воплощением божьего замысла на Земле¹. То есть над осуществлением самого великого и самого высокого проекта, который должен раз и навсегда установить на Земле, причем непременно на всей (!), единственно правильный божественный порядок, который, разрешив раз и навсегда все экзистенциальные проблемы человека, возвысится над потоком времени и пребудет в веках. И демон империи как автономного самоорганизующегося историко-культурного организма великолепно знает, на какие кнопки надо нажать, чтобы идеалы империи стали притягательны и чтобы транс-цендирующая партисипация к имперской идее стала витальным стержнем человека. Но на следующем структурном уровне исторического целого выявляется временная, пространственная и функциональная ограниченность великого имперского проекта. Есть на свете демоны поглавнее. Эти демоны, оказывается, использовали своего младшего имперского коллегу со всеми его подчиненными в своих собственных целях. Они втянули его в более сложную игру, и получается, что главной сутью империи было, к примеру, формирование некоей цивилизационной оппозиции другой, не имперской парадигме в рамках общего рисунка, обозреть контуры которого действительно не дано ни одному смертному. Ну, может быть, единицам, не боящимся скорби познания, да и то "очень потом". Лишь в последнем акте исторической драмы истерзанному мировым злом имперскому субъекту немного приоткрываются вид за сценой и приготовления к новому спектаклю. Но видит он мало и поздно. Вспомним

¹ В соответствии с типологией Яковенко, империи делятся на теократические и колониальные. Мессианский миф соответственно - атрибут теократической империи. Здесь необходимо уточнить, что такого рода определение в полной мере справедливо для поздних этапов истории XIX-XX веков. В более ранние эпохи колониальный и теократический принципы находились в достаточно слитном синкретическом состоянии.

критериальное поведение имперской власти в ситуации "без пяти двенадцать" - ее действия всегда неэффективные и запоздалые. Объективное научное сознание способно выйти за пределы подсистемного локуса культуры (точнее говоря, субъект всегда пребывает не в одном локусе, а в их сложной конфигурации) посредством отстранения и абстрагирования, а сознание обыденное вынуждено дожидаться эрозии границ, чтобы получить сквозь них сигналы из следующего структурного подразделения. И тогда вдруг становится очевидной кровная близость, к примеру, фашизма и коммунизма. Сегодня это публицистический трюизм, а было ли это столь ясно году этак в 1941-м?

Кстати, уровень культуролога определяется, среди прочего, способностью видеть проблему в тех слоях обыденной реальности, где другие проблемы не видят. Казалось бы, об империях написано уже все, что можно. Однако построить типологию империй - простую, ясную и убедительную - до Яковенко никто не смог. А ведь разница между колониальной и теократической империями, казалось бы, столь очевидна. Что общего между предпрятием по ограблению колоний и реализацией на Земле божественного проекта? Только терминологический синкретизм и инерция словопотребления заставляют называть и то и другое империей.

Яковенко занимается историософией средних звеньев цивилизации. Он не задается метафизическими вопросам о природе последнего, самого высокого уровня исторических детерминаций. Ему хватает работы в мире опосредования. В этом не только интеллектуализм, но и мудрость, изжившая инфантильный ригоризм самонадеянного сознания, небрежно пробегающего промежуточные ступени в своем рвении поймать Бога за бороду. Чем глубже сознание постигает исторические механизмы среднего уровня, тем менее интересной становится метафизика истории как таковая. И тогда уже совершенно неважно, есть ли там наверху кто-то главный и что он собой представляет. Погрузившись в постижение промежуточных уровней, человек видит всю тщетность этих вопросов, не говоря уже о наивности линейных иерархий.

Если учесть, что европейское сознание на протяжении всей своей истории неуклонно двигалось в сторону последовательной имманентизации всего трансцендентного, то нет ничего удивительного в тезисе, что *бог есть культура*. Это бог не метасубъект, трансцендентно отстраненный от мира. Это сложно организованный конгломерат самоорганизующихся подсистем, каждая из которых ведет себя по отношению к человеку как полуимманентный субъект, детерминирующий тот или иной аспект его социокультурной и ментальной активности. А в целом эти подсистемы образуют систему, общие контуры которой скрыты от познающего сознания рядом перегородок-горизонтов, в принципе непреодолимых для человеческого субъекта, локализованного в дискретной точке исторического времени и пространства². Об этой системе, как и о старом Боге, можно с уверенностью сказать только то, что она *есть*. Но есть и различия. Бог-культура в известном смысле имманентен и, следовательно, не всемогущ. Он детерминирован необратимостью времени, и его свобода ограничена его же собственными предшествующими действиями. Культура ничего не создает из пустоты и не берет назад исторические ходы. Что есть, то есть, и изменить это можно лишь настолько, насколько позволяет имманентная природа исторического материала. Иначе говоря, рисунок истории, если мы решили отойти от примитивно детерминистских и монотеистических представлений, формируется характером отношений подчинения и консенсуса между структурными подсистемами целого, которые рассматриваются как самостоятельно действующие субъекты.

В своей книге Яковенко впервые набросал несколько портретов этих субъектов-демонов, показав их скрытую от непосвященного взгляда жизнь и отношения.

Один из этих демонов черпает силы в природном ландшафте, другой - в геноме этноса, третий аккумулирует энергию универсалий социальной памяти, четвертый

² Об этом подробнее см. [2].

подстрекает к перманентному выходу за пределы, питаюсь силой трансцендирующего порыва, и т.д. и т.д. А их совместные усилия образуют ту сложную розу ветров, которая и рождает то или иное историческое событие или состояние. Как правило, не только обыденный, но и аналитический ум склонен сводить равнодействующую силу к одному-двум "главным" факторам. Яковенко разматывает весь или почти весь клубок.

Помню, в школьные годы меня донельзя раздражала марксистская фразочка о "слепых и стихийных" силах, движущих жизнью социума, вернее, двигавших им до появления единственно правильного учения. Почему, черт возьми, слепых? Почему стихийных? Пережив крах возмнившего "законодательного разума" и последовавшую за ним панику иррационализма, научная мысль стала скромнее и глубже. Оказалось, что содержание последнего метафизического уровня исторического бытия не лежит где-то у Бога в закодированном сейфе, а растворено на сложно структурированных промежуточных уровнях реальности. И стоит только всерьез заняться этими уровнями, как возникает подозрение, что никакого сейфа и вовсе нет. А если и есть, то в нем не лежит ничего нового и интересного.

Историософия Яковенко - историософия среднего звена - выражение индифферентна к метафизике. Но зато связь средних уровней с нижним, т.е. с миром единичных фактов, выявлена блестяще. Между теоретическими моделями и пестрым конгломератом историко-культурных феноменов протягиваются многообразнейшие прямые и обратные связи. Ни одно обобщение не "повисает в воздухе", а ссылки, цитаты, исторические примеры и иллюстрации складываются в конструктивный, убедительный и не лишенный элегантности рисунок.

Современный гуманитарный дискурс переживает своеобразный пик неосинкретических тенденций. Никто ни с кем не может договориться о терминах, о границах и содержании понятий. Постмодернизм подверг саму идею установления границ снобистскому осмеянию, но легче от этого не стало. В ситуации невозможности общих конвенций единственным критерием остается убедительность оперирования терминами и понятиями тем или иным автором в рамках самостоятельного их толкования.

Понятие нации стоит в ряду "резиновых иероглифов", при упоминании которых все осознают, о чем примерно идет речь, но дать вразумительного им определения не в состоянии. Оно к тому же окрашено привкусом болезненности и нервных реакций. Еще бы! Большой вопрос. Нужен исключительно трезвый и холодный ум, чтобы спокойно в нем разобраться. Я не вполне согласен с общим определением нации и ее исторических признаков, которые предлагает Яковенко³, но не могу не признать, что выстраиваемая им концепция весьма убедительна. Это не обрывочные, хотя и справедливые суждения типа "имперский народ не имеет нации". Это целостная объясняющая модель, которую вполне можно считать заявкой на самостоятельную теорию. На фоне полного, объективного и логически выстроенного анализа исторического генезиса нации и соответственно структуры и содержания национальных интересов становится особенно очевидной наивность и несостоятельность привычных подходов, известных не только по публицистическим, но и по квазинаучным контекстам, обозначающих русский народ как нацию или вводящих понятие "имперской нации".

И еще. Углубляясь в стройный, подробно развернутый анализ Яковенко вечной русской темы "Что делать?", то бишь как реализовать национальные интересы в конкретной политической практике, невольно предаешься чувству полной безнадежности. Нет в сегодняшней России таких социальных и политических сил, которые способны выйти на *такой* уровень понимания. Те, кто понимает, - ничего не могут

- Нация - это этап развития этноса, характеризующийся массовым становлением автономной личности, секуляризацией сознания и культуры (доминирование секулярных форм сознания), формированием гражданского общества и национального государства [1, с. 74].

сделать, ибо они - частные лица или, в лучшем случае, маргиналы политической жизни. Те, кто что-то еще может сделать, - ничего не понимают. Не понимают, по словам Макиавелли, даже тогда, когда им объясняют. А массовое сознание и обслуживающая его пишущая братия в упор не видят разницы между интересами национальными и имперскими. Многие, впрочем, из идеологических соображений скорее прикидываются, что не видят. Кого обманывают?

Закат империи всегда печален. Печальны и судьбы имперских народов, так и не ставших нациями. В последний момент будто некая пелена застилает и без того не слишком дальновидный взор тех, кто принимает решения, и тогда они отказываются воспринимать очевидное и оказываются неспособны извлекать уроки из хрестоматийно ясных исторических ситуаций. Что тогда делать пророку, который все понимает и предвидит, но не может ни до кого достучаться? Демоны знают свое дело. У них есть множество способов скрыть от человеческого интеллекта истинное положение вещей и не выпустить его из-под своего господства. Когда профессиональные ученые начинают вдруг говорить сказочными сюжетами и мифологемами вроде того, что империя тоже содержит потенциал развития личности и т.п., то это и смешно и страшно одновременно. Тогда субъективное поведение самоорганизующихся локальных подсистем культуры предстает во всей своей демонической образности. Вот как локальная культура зомбирует людей, вот как намертво привязывает она их к себе нерелефлексивными экзистенциальными ценностями, вот какие шоры надевает она на них! И все это ради чего? Ради духовного роста самого человека? Ради вечных метафизических ценностей? Ничуть не бывало! Просто огню нужен материал, чтобы гореть - вот и все. Локальная культура ведет себя как субъект, а следовательно, как *живое существо*. Это значит, что она прежде всего должна выжить, затем по возможности расширяться и добиться максимального господства. А люди, включенные во владения демона, - суть материал, обеспечивающий реализацию этих задач. Ни больше, ни меньше. А вот тех, кто видит слишком много и часто пересекает границы владений, демоны не любят. Даже стоя на краю пропасти, их добродетельные подданные находят возможность кинуть камень в "отщепенцев". Вот почему самых умных и проницательных *никогда не слушают*.

Нам часто, с умудренным видом жура обыденное сознание, говорят, что в нынешней ситуации нет простых решений. Истинная правда! Но, что характерно, любая исторически напряженная ситуация *всегда* требует непростых решений, но *всегда* получает именно *простые*. Почему-то предлагающих непростые решения (а такие всегда есть) никто никогда не слушает. Будто кто-то специально следит, чтобы конкретные поворотные решения исторических коллизий не выходили за пределы определенного уровня простоты. Видимо, историческое и логическое вращаются все-таки по разным орбитам. Отрезвление и удивление приходят потом, когда становится очевидной примитивность намерений и действий, но вернуться к исходной ситуации уже невозможно. Нет сомнений, что и теперь все будет именно так. Пророк-интеллектуал бессознательно исходит из того, что совокупный исторический субъект внутренне столь же свободен в выборе ценностей и жизненной стратегии, как и он сам. Это и понятно - каждый, кто достиг определенного уровня самости и внутренней свободы, волей-неволей начинает подразумевать наличие такого же уровня и другом. Если мыслитель - личность, то и в народе, исторические судьбы которого он рассматривает, он склонен усматривать коллективную личность. Если народ дорос до буржуазной нации, то такие представления небеспочвенны. А если нет, то увы! И вот здесь нельзя недооценивать силу исторической инерции, т.е. того, насколько настоящее и будущее народа определяется его прошлым. Интеллектуал может построить всестороннюю, последовательную и кристально ясную концепцию наиболее разумных действий, но история все равно выберет простое решение, т.е. не "как лучше", а "как всегда". Демон не собирается уступать свои владения без боя и будет стоять до последнего. А самое грустное, что под конец он утаскивает в историческое небытие всех своих подданных.

При чтении книги Яковенко становится предельно ясно, что российский народ должен либо развиться до буржуазной нации, либо уйти с исторической сцены, как это случилось со всеми имперскими народами. И времени остается критически мало, ибо Запад - авангард буржуазной цивилизации - сам стоит на пороге глобальных системных изменений, ибо цивилизация буржуазной личности уже решила все свои задачи и исчерпала свой исторический потенциал. Разделенные одной исторической фазой цивилизации еще могут существовать в одном культурном пространстве. Двумя - вряд ли. Постбуржуазной (или уж не знаю, как ее назовут) цивилизации не о чем говорить с постфеодальной империей, а точнее, с ее обломками. Поэтому одна из ключевых тем в книге Яковенко - это тема модернизации. Но и здесь, читая книгу, ловишь себя на том, что ясность и убедительность разворачиваемой автором концепции разбавляется пессимистическим голосом интеллектуальной интуиции, внушающим ощущение полной безнадежности. Ах, как хочется вспомнить и перечислить все положительные тенденции сегодняшнего дня, чтобы убедить себя в возможности модернизационного прорыва.

Но, к сожалению, честный исследователь, каковым несомненно является автор, обязан видеть не отдельные тенденции, а общую картину. А она, увы, не радует. Имперский эгрегор, как проклятье истории, прочно завис над Россией и, похоже, не "рассосется", пока последняя не перестанет существовать как целое. Но и тогда модель национальных интересов, по Яковенко, не потеряет актуальности. Более того, может быть, именно тогда, когда власть демона ослабнет и мифологический туман хотя бы частично рассеется, она и станет более осуществимой в политической практике и принимаемые историей решения станут хоть чуточку менее простыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Яковенко И.Г.* Российское государство: национальные интересы, границы и перспективы. М., 1999.
2. *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. М., 1998.

© А. Пелипенко, 2000